

КНИГА ПО ОДНОИМЕННОМУ СЕРИАЛУ

АННА-ДЕТЕКТИВЪ

Дело утопленниц

СОФЬЯ ВЕДИЩЕВА

РИПОЛ
КЛАССИК

ПРОЛОГ

Я начала видеть их, когда мне было пять. Бабушка Ангелина появилась из ниоткуда. В ночной рубашке из муслина и чепце с кружевом, на плечи накинут любимый набивной платок с бахромой. В этом одеянии она и погрузилась совсем недавно в вечный сон.

Она была точно такой же, какой я ее знала и помнила, словно с ней ничего не произошло несколько недель назад. И я бы так и подумала, если бы лично не видела ее в кровати, с белым как мел лицом и плотно закрытыми глазами, которые ей уже не суждено было открыть.

И вот она стоит передо мной!

Она сделала несколько шагов в сторону трельяжа с зеркалом и поманила меня рукой. В последние месяцы

жизни она всегда так делала, когда хотела показать что-то или рассказать мне о чем-то. Будь то облако забавной формы, напоминающее овечку, которое я успела пропустить, бегая по лужайке дома, или дрозда, решившего своровать ягоды смородины прямо из блюда, стоящего перед ней на столе.

Бабушка указала рукой куда-то под трельяж. И как только я осознала, что мне нужно сделать, она исчезла. Так же тихо и внезапно, как и появилась.

Еще крепче прижимая к груди куклу Мякушу, я неуверенно подошла к трельяжу. Каково же было мое удивление, когда я нашла на том самом месте, куда указала мне бабушка, фамильное ожерелье с овальным аметистом. Вот уже несколько недель моя матушка отчаянно искала его по всем потайным уголкам дома...

С радостным криком я побежала к родителям в гостиную:

— Мама, мама! Смотри, что я нашла!

Маменька отвлеклась от чая и беседы с папенькой и наградила меня теплой улыбкой. Но стоило мне вложить в ее руку ожерелье, как в обычно мягком взгляде мамы появилось непонимание.

— Ожерелье... Это же то самое ожерелье, Витенька! — растерянно прошептала маменька. — Где ты нашла его, Анюта?

— Мне бабушка показала.

— Какая бабушка? — с тревогой спросила маменька.

— Ангелина, — честно ответила я родителям.

Я была послушным ребенком и с ранних лет знала, что лгать плохо.

Родители переглянулись и одновременно посмотрели на меня.

— Анечка, твоя бабушка умерла, — серьезно сказал папенька, будто я не знала.

— Нет! Я ее видела!

— Анечка... — Маменька притянула меня к себе и нежно поцеловала в лоб, как всегда делала, когда хотела по-доброму пожурить за плохое поведение. — Врать — это нехорошо, врать стыдно.

— Но я видела! Я видела! — Я затопала ножками по полу, надеясь, что хоть так они меня услышат. Хоть так поверят мне!

— Анюта, ты в самом деле видела бабушку?

Мой дорогой дядюшка, до того увлеченно смотревший в окно, обернулся к нам. И в его голосе я услышала нотки легкого страха — такого же, какой и я испытала пару минут назад. Но он поверил мне!

Однако больше не поверил никто. Мои маменька и папенька посчитали, что у меня разыгралась фантазия, как и у всех детей в моем возрасте, и еще долго списывали мои странности на богатое воображение.

А я, хоть и понимала, что мертвый не может открыть глаза и уверенным шагом пройти по комнате, видела то, что видела!

И все еще вижу.

Они похожи на нас, вот только говорить не могут, и от них веет холодом. И этот холод пробирает до костей, леденит мою душу. Все вокруг замирает в гробовом молчании. Мне страшно. Я чувствую их боль и страдания. И теперь я вижу их чаще...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В уездном городке Затонске настолько редко что-то происходило, что даже рождение щенят у заводчика Кулешова становилось известием всемирного масштаба.

А потому, когда в чудесный день лета 1888 года в город прибыли сразу два новых лица, все общество загудело от волнения. Впрочем, одно из них было не столько новым, сколько хорошо забытым старым. А второе впервые оказалось здесь, чем и заслужило весьма пристальное внимание.

Вот и Ульяна Тихоновна Громова, дама средних лет, по привычке носящая черное, хотя траур по мужу давно закончился, поспешила к подруге обсудить последние сплетни.

— Ах, моя дорогая, добро пожаловать! — радушно встретила ее Мария Тимофеевна Миронова. — Пойдемте на веранду, я уже приказала подавать чай.

Мария Тимофеевна вообще была очень радушной. Едва ли в Затонске можно было найти женщину более приятную и благотельную.

— Чай на веранде — можно ли о большем мечтать по утрам? — тепло произнесла Ульяна Тихоновна, получив из рук хозяйки чашку с ароматным напитком. И, сделав глоточек, плавно перешла к главной цели своего визита: — Слышали вы новость?

— Какую, голубушка? — с готовностью отозвалась Мария Тимофеевна.

— В город приехал некий Яков Платонович Штольман. Судебный следователь из Петербурга, — заговорила произнесла Ульяна Тихоновна.

— Из Петербурга? И что же следователь из столицы у нас забыл?

— Ой, говорят, его со службы уволили за неподобающее поведение. Его видели, — Ульяна Тихоновна понизила голос, — в притоне!

— Какой кошмар! Не те уже порядки. Нынешние нравы с ума меня сведут! — посетовала Мария Тимофеевна. — Вот взять хотя бы мою дочь...

— Да-а-а, — протянула Ульяна Тихоновна. — Как же Анечка выросла. И похорошела.

— Вот именно. Замуж ей давно пора! Двадцатый год уже пошел, а ей бы все книжки читать. Я в ее годы уже была хозяйкой в своем доме.

В этом Мария Тимофеевна нисколько не кривила душой. Чета Мироновых ставилась в пример каждой молодой девушке Затонска как образец идеальной семьи. И действительно, успешная адвокатская карьера мужа и эффективное управление хозяйством жены вызывали уважение.

— Да, Анечка, конечно, не в тебя пошла, — заметила Ульяна Тихоновна. Вроде и поддержала, а как будто с ехидством. — Но не переживай ты так. Где она, кстати?

— Где? Да вот уехали с Петром Ивановичем в парк кататься.

Ульяна Тихоновна явно взволновалась.

— Слышала-слышала, что Петр Иванович вернулся из Парижа.

— Вернулся, — отозвалась Мария Тимофеевна. — Теперь проводит время с Анютой. Соскучилась она по нему.

— Давненько он у нас не был. Лет пять?

— Кажется. Так сразу и не вспомню.

— А что же, так и не нашел себе спутницу в Париже? — В вопросе Ульяны Тихоновны промелькнули легкие нотки надежды.

— Ну, думаю, в спутницах у него недостатка не было. А вот жены — нет, не нашлось. — Отсутствие законной супруги в глазах Марии Тимофеевны представляло собой настоящее преступление. — Между нами говоря, вернулся он совершенно без средств. Так что теперь придется моему Витеньке еще и брата содержать.

— Ой, кажется, едут! — заметила Ульяна Тихоновна мельтешение среди деревьев. — А это что такое?

Молодая девушка в костюме для верховой езды восседала на странном приспособлении, похожем на железного коня с колесами, и крутила педали, заставляя это чудовище двигаться.

— Ах, дядя, какое чудо! Кажется, получается! — раздался ее звонкий голос.

Мария Тимофеевна устало махнула рукой:

— Лучше даже не спрашивайте. Петр Иванович вечно напридумывает всякого. Вот привез Анечке из Парижа какое-то модное изобретение. Учит теперь ее на нем кататься. Немыслимо!

— Какой Петр Иванович затейник, однако! И чем же он теперь будет заниматься?

— Да уж занялся бы чем-то серьезным! А то взбрело ему в голову, что он медиум. *Спиритизм — популярное движение в Париже*, — передразнила Мария Тимофеевна деверя.

— Что вы такое говорите? Медиум? Это который с духами разговаривает? — заинтересовалась Ульяна Тихоновна.

— Я тоже была премного удивлена. У Кулешовых на днях будет спиритический сеанс.

— И вы пойдете?

— Что вы! Чушь какая. Я всех этих новомодных увлечений не понимаю и понимать не хочу. Волнуюсь только, как бы он мою Анечку не взбаламутил.

— Помнится, у нее в детстве были какие-то странности... — Ульяна Тихоновна нахмурила изящные брови, сиюсь вспомнить.

— Ах, полноте! Дела давно минувших дней. — Мария Тимофеевна на эту тему распространяться не желала. — Ой, а куда это она поехала?

За разговором женщины совсем упустили момент, когда Аня научилась управлять механизмом без помощи дяди. И теперь девушка уверенно направляла своего железного коня к воротам усадьбы.

— Аня! — окликнула Мария Тимофеевна дочь.

— *Bonjour, maman!* — отозвалась та.

— Аня! Вернись! Вернись, кому говорю!

Но юная особа уже ничего не слышала.

— Нет, ну это немыслимо! — Мария Тимофеевна возмущенно фыркнула. — И куда она, спрашивается, поехала? На улицу в таком виде!

— Теперь в Затонске разговоров будет на неделю, — заметила Ульяна Тихоновна.

— Это невозможный ребенок!

— Полноте вам переживать, Мария Тимофеевна. — Петр Иванович взошел на веранду. — Ульяна Тихоновна, рад вас видеть в добром здравии.

— Что же вы ко мне не заходите? Уже несколько дней в городе, а своего старого друга так и не навестили, — с укором произнесла госпожа Громова.

— Дела, дела. Сами понимаете. — Петр Иванович не стал придумывать оправданий своему нежеланию приезжать в гости.

— А вы отложите дела. Для хорошего человека всегда можно найти время. Приезжайте, — не отставала Ульяна Тихоновна.

— Благодарю покорнейше за приглашение. Воспользуюсь, как только представится возможность.

— Что же вы творите, Петр Иванович! — вклинилась в разговор Мария Тимофеевна. — Взбаламутили племянницу.

— Ну почему сразу взбаламутил? Анечке очень нравится кататься на велосипеде. И у нее прекрасно получается.

— Ей и шоколад нравится есть по утрам. И у нее это прекрасно получается. Но это же не значит, что стоит дозволить такое!

— Что ж мне теперь, отнять у любимой племянницы подарок, который я сам же и сделал?

— Вот вечно вы сначала создадите проблему, а другим потом за вас ее решать.

— Мария Тимофеевна, право слово, не будьте же вы так строги к дочери, — бросил Петр Иванович и скрылся в доме.

— Вот и как с ним прикажете разговаривать? — обратилась Мария Тимофеевна к подруге с риторическим вопросом.

— Пять лет прошло, а он ничуть не изменился, — сказала в ответ Ульяна Тихоновна с задумчивой улыбкой.

Анна ехала по главной улице города, наслаждаясь ветром, играющим в ее волосах. «Как чудесно чувствовать, что я жива!» — неожиданно для самой себя подумала она, сделав глубокий вдох.

Слова из приснившегося ей недавно сна все еще крутились в ее голове: «Смерть неизбежна».

Однако приезд дяди, их совместные прогулки и катание на велосипеде помогли немного отвлечься.

— Доброе утро! — крикнула она почтальону, который приносил им письма на дом.

Тот удивленно посмотрел ей вслед.

— Доброго дня! — а это было адресовано Александру Францевичу, главному врачу местной больницы и близкому другу ее отца.

Александр Францевич с уважением кивнул.

И вдруг, проезжая мимо полицейского участка, Анна увидела *его* — господина из своего сна. Статный, с военной выправкой, высокий мужчина был одет в сюртук и шляпу-котелок. Его челюсть была напряжена, резко очерченные скулы подчеркивали строгие черты лица, а карие глаза смотрели на мир с колючей прямоотой. В руках он держал трость и небольшой саквояж.

Мужчина ловко спрыгнул с повозки.

— Багаж доставьте в полицейский участок, — приказал он кучеру глубоким голосом.

Засмотревшись на него, Анна совершенно забыла, что едет на велосипеде. А вспомнила, когда столкновения, казалось, уже невозможно было избежать. Однако незнакомец обладал отличной реакцией и изрядной проворностью, поэтому успел в последний момент отпрыгнуть.

— *Excusez-moi!* — крикнула ему Анна и, опять отвлекшись, все-таки не справилась с управлением.